

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и запросом Курганского областного суда

город Санкт-Петербург

2 июля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

с участием гражданина Республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и его представителя – адвоката В.Т.Асландзия, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук А.С.Саломаткина,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктами 3 и 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалоба гражданина Республики Узбекистан Б.Т.Гадаева и запрос Курганского областного суда. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Верховного Суда Российской Федерации – судьи Верховного Суда Российской Федерации А.С.Червоткина, от Министерства юстиции Российской Федерации – М.А.Мельниковой, от Следственного комитета Российской Федерации – Г.К.Смирнова, от Генерального прокурора Российской Федерации – Т.А.Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части первой статьи 237 «Возвращение уголовного дела прокурору» УПК Российской Федерации судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если: обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований данного Кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления; копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке, установленном частью четвертой статьи 222 или частью третьей

статьи 226 данного Кодекса; есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера; имеются предусмотренные статьей 153 данного Кодекса основания для соединения уголовных дел; при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 данного Кодекса.

1.1. Оспаривающий конституционность названных законоположений гражданин Республики Узбекистан Б.Т.Гадаев в ходе рассмотрения Калининским районным судом города Санкт-Петербурга уголовного дела, по которому он был признан потерпевшим, дважды заявлял ходатайства о возвращении данного уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом на том основании, что органы предварительного расследования, по его мнению, квалифицировали действия обвиняемого как менее тяжкое, чем следует из фактических обстоятельств дела, преступление, допустив тем самым при составлении обвинительного заключения существенные нарушения требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оставляя эти ходатайства без удовлетворения, суд первой инстанции исходил из того, что указанные в части первой статьи 237 УПК Российской Федерации существенные нарушения требований данного Кодекса, влекущие возвращение уголовного дела прокурору, не могут касаться ни его фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации содеянного, ни доказанности вины обвиняемого и что статья 252 УПК Российской Федерации предусматривает проведение судебного разбирательства лишь по тому обвинению, которое было предъявлено обвиняемому.

Нарушение положениями части первой статьи 237 УПК Российской Федерации прав, гарантированных ему статьями 17 (часть 1), 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Б.Т.Гадаев усматривает в том, что эти положения во взаимосвязи со статьей

252 данного Кодекса не позволяют суду рассмотреть по существу доводы потерпевшего относительно неправильной квалификации преступления органами предварительного расследования и удовлетворить его ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое, а следовательно, препятствуют постановлению приговора в точном соответствии с уголовным законом.

1.2. Курганский городской суд Курганской области, рассматривая уголовное дело по обвинению ряда граждан в совершении преступлений, предусмотренных частью третьей статьи 109 «Причинение смерти по неосторожности» и частью второй статьи 118 «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» УК Российской Федерации, принял по собственной инициативе решение о возвращении данного уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, мотивировав свое решение несоответствием предъявленного обвинения описанию инкриминируемых обвиняемым деяний в силу квалификации их действий как менее тяжких, чем следует из фактических обстоятельств дела, преступлений.

Курганский областной суд, которому в связи с обжалованием государственным обвинителем соответствующего постановления суда первой инстанции данное уголовное дело было передано на рассмотрение в апелляционном порядке, в своем запросе в Конституционный Суд Российской Федерации утверждает, что часть первая статьи 237 УПК Российской Федерации – с учетом сложившейся практики ее применения и пределов судебного разбирательства – не соответствует статьям 1 (часть 1), 2, 17 (часть 3), 21 (часть 1), 45 (часть 1), 52, 55 (части 1 и 3), 71 (пункты «в», «о») и 72 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации, поскольку не позволяет суду в случае обнаружения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении несоответствия описания преступного деяния формулировке предъявленного обвинения по собственной инициативе – при отсутствии заявления

обвиняемого, потерпевшего либо их представителей о нарушении их процессуальных прав на досудебной стадии производства по уголовному делу – вернуть данное уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основаниям, допускающим или предполагающим в дальнейшем возможность ухудшения положения обвиняемого, чем фактически исключают при постановлении итогового решения по уголовному делу возможность правильного применения судом уголовного закона и вынесения им по результатам судебного разбирательства законного, обоснованного и справедливого решения.

1.3. Как следует из статей 74, 96, 97, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом и по запросам судов проверяет конституционность закона или отдельных его положений лишь в той части, в какой они были применены (подлежат применению) в конкретном деле, оценивая как буквальный смысл этих законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и учитывая их место в системе правовых норм, и принимает постановление только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации, на основании которых решается вопрос о возвращении судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления

либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

2. Закрепляя в числе принципов государственного устройства России осуществление государственной власти на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную и самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, Конституция Российской Федерации, как следует из ее статей 10, 11 (часть 1), 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125–127 и 128 (часть 3), отводит судебной власти, независимой и беспристрастной по своей природе, решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина. Именно возложенными на нее прерогативами по осуществлению правосудия предопределяется ценность закрепленного статьей 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации права на судебную защиту как гарантии всех других прав и свобод человека и гражданина, а также значение судебных решений как государственных правовых актов, которые выносятся именем Российской Федерации и имеют общеобязательный характер (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2002 года № 8-П, от 17 марта 2009 года № 5-П, от 26 мая 2011 года № 10-П и от 8 ноября 2012 года № 25-П).

По смыслу статей 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15, 17, 19, 118 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации, правовая система которой основана на принципе верховенства права как неотъемлемом элементе правового государства, право каждого на судебную защиту предполагает обеспечение всем субъектам права свободного и равного доступа к правосудию, осуществляемому независимым и беспристрастным судом на основе состязательности и равноправия сторон, а также охрану их прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда. Обязанность государства обеспечить осуществление права на

справедливую, компетентную и действенную судебную защиту вытекает также из являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации Всеобщей декларации прав человека (статья 8), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6) и Международного пакта о гражданских и политических правах (статья 2).

Соответственно, исходя из того, что правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах, федеральный законодатель, устанавливая порядок его отправления, обязан предусмотреть механизм (процедуру), который гарантировал бы вынесение правосудных, т.е. законных, обоснованных и справедливых, судебных решений.

3. Согласно Конституции Российской Федерации судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства (статья 118, часть 2) на основе общих для всех видов судопроизводства принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, состязательность и равноправие сторон (статья 18; статья 120, часть 1; статья 123, часть 3), – вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства.

Применительно к уголовному судопроизводству это означает, что, разрешая дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в данном деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. При этом состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в

законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность этих органов и лиц по осуществлению функции обвинения не согласуется с предписанием статьи 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия, как того требуют статья 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а также статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Поскольку в силу статей 49 (часть 1), 118 и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующих их положения статей 1, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, а судьи как ее представители при осуществлении правосудия подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, рассмотрение судом находящихся в его производстве дел предполагает наличие у него возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как и обязанности вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства.

Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны. Вместе с тем не

может рассматриваться как принятие на себя судом не свойственной ему функции обвинения вынесение решения, направленного на исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, которые могут затрагивать интересы как обвиняемых, так и потерпевших, – иное вынуждало бы его принять решение, заведомо противоречащее закону, что в принципе недопустимо.

3.1. Нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие возвращение судом уголовного дела со стадии судебного разбирательства на стадию предварительного расследования, в том числе по инициативе суда, включая вопрос о повороте обвинения к худшему, уже были предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации.

Применительно к положениям Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, предполагавшим осуществление судом полномочий, направленных на восполнение недостатков предварительного расследования и обоснование обвинения при возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, Конституционный Суд Российской Федерации, в частности, признал допустимым возвращение уголовного дела прокурору по инициативе суда для устранения существенных нарушений данного Кодекса, если это не связано с восполнением неполноты предварительного расследования.

Опираясь на указанную правовую позицию, изложенную в постановлениях от 20 апреля 1999 года № 7-П и от 4 марта 2003 года № 2-П, Конституционный Суд Российской Федерации Постановлением от 8 декабря 2003 года № 18-П признал не противоречащей Конституции Российской Федерации часть первую статьи 237 УПК Российской Федерации, поскольку содержащиеся в ней положения не исключают правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе вернуть дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, которые не могут быть устранены в судебном производстве, если

возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия. Признавая тем же Постановлением не соответствующей статьям 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 52 Конституции Российской Федерации часть четвертую статьи 237 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что содержащееся в ней положение, не позволявшее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключало какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами предварительного расследования, но и при последующем разбирательстве дела судом, что не согласуется с требованиями независимого, беспристрастного и справедливого осуществления правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на этапе предварительного расследования, предполагает осуществление необходимых следственных и иных процессуальных действий, что – в контексте стадийности уголовного судопроизводства – превращает процедуру возвращения дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования.

Соответственно, в случае, если допущенное органами предварительного расследования процессуальное нарушение является таким препятствием для рассмотрения дела, которое суд не может устранить самостоятельно и которое, исключая возможность постановления законного и обоснованного приговора, фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия, неважно, возвращает суд уголовное дело прокурору по собственной инициативе или по ходатайству стороны,

поскольку в таком случае препятствие для рассмотрения уголовного дела самим судом устранено быть не может.

Направляя уголовное дело прокурору, суд не осуществляет уголовное преследование, т.е. процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (пункт 55 статьи 5 УПК Российской Федерации), – он лишь указывает на существо ущемляющих права участников уголовного судопроизводства нарушений, которые не могут быть устранены в судебном заседании и препятствуют разрешению уголовного дела судом, и тем самым не подменяет сторону обвинения. Направление дела прокурору не может свидетельствовать о прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела и расцениваться как безусловное препятствие для участия судьи в рассмотрении данного дела.

По смыслу приведенных правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 4 марта 2003 года № 2-П и от 8 декабря 2003 года № 18-П, а также в ряде определений (от 3 февраля 2000 года № 9-О, от 2 февраля 2006 года № 57-О, от 13 октября 2009 года № 1149-О-О, от 7 июня 2011 года № 843-О-О, от 14 июля 2011 года № 1026-О-О, от 19 июня 2012 года № 1096-О, от 4 октября 2012 года № 1852-О, № 1853-О, № 1854-О и от 1 ноября 2012 года № 2001-О), инициирование судом процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела не противоречит принципам правосудия и не свидетельствует о том, что суд тем самым осуществляет уголовное преследование обвиняемого или участвует в нем, т.е. берет на себя функцию обвинения.

3.2. Исходя из статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, конкретизирующей общепризнанный правовой принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом, а именно Уголовным

кодексом Российской Федерации, задачами которого являются охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений (часть первая статьи 2) и который для осуществления этих задач устанавливает основание и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений (часть вторая статьи 2).

В качестве основания уголовной ответственности Уголовный кодекс Российской Федерации называет совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом (статья 8), а в числе принципов уголовной ответственности – принцип вины, в силу которого лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина (часть первая статьи 5), и принцип справедливости, в силу которого наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6).

Как следует из приведенных положений Уголовного кодекса Российской Федерации, определение основания и условий привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, назначение справедливого наказания и иных мер уголовно-правового характера относятся к сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений. Соответственно, производство по уголовному делу, имеющее своим назначением как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиту личности от

незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, равно как и уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания либо отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания (статья 6 УПК Российской Федерации) не могут осуществляться в противоречии с положениями уголовного закона.

Исходя из этого Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет в числе принципов уголовного судопроизводства принцип осуществления правосудия только судом, означающий, в частности, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда (статья 8), который должен быть законным, обоснованным и справедливым и может считаться таковым, если он постановлен в соответствии с требованиями данного Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона (статья 297); при этом неправильное применение уголовного закона является основанием для отмены или изменения не вступивших в законную силу судебных решений (пункт 3 статьи 389¹⁵ и часть первая статьи 389¹⁸), а существенное нарушение уголовного закона, повлиявшее на исход дела, – основанием для отмены или изменения вступивших в законную силу судебных решений (часть первая статьи 401¹⁵ и часть первая статьи 412⁹); если же в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия, то при пересмотре приговора, определения, постановления суда в кассационной и надзорной инстанциях допускается поворот к худшему (статья 401⁶ и часть вторая статьи 412⁹).

В свою очередь, неправильным применением уголовного закона согласно части первой статьи 389¹⁸ УПК Российской Федерации являются как нарушение требований Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, так и применение не той статьи или не тех пункта и (или) части статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации,

которые подлежали применению. Положение части второй той же статьи, признающее несправедливым приговор, по которому, в частности, было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, согласуется с требованиями части первой статьи 60 УК Российской Федерации, закрепляющей, что справедливость наказания предполагает его назначение в пределах, установленных санкцией статьи Особенной части данного Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление.

Следовательно, неправильное применение положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия. Продолжение же рассмотрения дела судом после того, как им были выявлены допущенные органами предварительного расследования процессуальные нарушения, которые препятствуют правильному рассмотрению дела и которые суд не может устранить самостоятельно, а стороны об их устранении не ходатайствовали, приводило бы к постановлению незаконного и необоснованного приговора и свидетельствовало бы о невыполнении судом возложенной на него Конституцией Российской Федерации функции осуществления правосудия.

4. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное право каждого на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела прежде всего в суде первой инстанции, где подлежат разрешению все существенные для определения прав и обязанностей сторон вопросы.

Поскольку конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное следование процедуре уголовного преследования, что гарантирует соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, суд, выявив допущенные органами дознания или предварительного следствия процессуальные нарушения, вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу. Возвращая в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения, – он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие процессуальные права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления. Приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями уголовно-процессуального закона, создание предпосылок для правильного применения норм уголовного закона дают возможность после устранения выявленных процессуальных нарушений вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу и принятия по нему решения. Тем самым обеспечиваются гарантированные Конституцией Российской Федерации право обвиняемого на судебную защиту и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 46 и 52), а также условия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 4 марта 2003 года № 2-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 16 мая 2007 года № 6-П и от 21 апреля 2010 года № 10-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 года № 1063-О-О и от 3 апреля 2012 года № 598-О).

По смыслу части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьями 215, 220, 221, 225, 226, 226⁷ и 226⁸, возвращение уголовного дела прокурору в случае нарушения требований данного Кодекса при составлении обвинительного заключения, обвинительного акта или

обвинительного постановления может иметь место по ходатайству стороны или инициативе самого суда, если это необходимо для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, при подтверждении сделанного в судебном заседании заявления обвиняемого или потерпевшего, а также их представителей о допущенных на досудебных стадиях нарушениях, которые невозможно устранить в ходе судебного разбирательства. Во всяком случае, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П и Определении от 22 апреля 2005 года № 197-О, основанием для возвращения уголовного дела прокурору являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, совершенные дознавателем, следователем или прокурором, в силу которых исключается возможность постановления судом приговора или иного решения; подобные нарушения требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в досудебном производстве, которые не могут быть устранены в судебном заседании и исключают принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, всегда свидетельствуют в том числе о несоответствии обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления требованиям данного Кодекса.

4.1. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении следователь или дознаватель указывают существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела, формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление (пункты 3 и 4 части первой статьи 220, пункты 4 и 5 части первой статьи 225 и часть первая статьи 226⁷); прокурор, рассматривая уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным

постановлением, вправе возвратить уголовное дело для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (пункт 2 части первой статьи 221), для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям статьи 225 данного Кодекса со своими письменными указаниями (пункт 2 части первой статьи 226), для пересоставления обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям части первой статьи 226⁷ данного Кодекса (пункт 2 части первой статьи 226⁸); при утверждении обвинительного акта или обвинительного постановления прокурор вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое (часть вторая статьи 226 и часть вторая статьи 226⁸).

Учитывая, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном данным Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, лишь суд, отправляя правосудие по уголовному делу, при постановлении приговора разрешает следующие вопросы: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и что это деяние совершил именно он, является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено, виновен ли подсудимый в совершении этого преступления, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление (части первая и вторая статьи 8, часть первая статьи 14 и статья 299 УПК Российской Федерации). Соответственно,

указанная в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении квалификация содеянного может рассматриваться лишь в качестве предварительной. Окончательная же юридическая оценка деяния и назначение наказания за него осуществляются именно и только судом исходя из его исключительных полномочий по осуществлению правосудия, установленных Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законом (пункт 1 части первой статьи 29 УПК Российской Федерации).

Между тем в случае, когда в ходе судебного разбирательства (которое, как следует из статьи 252 УПК Российской Федерации, проводится только по предъявленному обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве в сторону ухудшения не допускается) суд придет к выводу, что имеет место нарушение требований Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, препятствующее рассмотрению уголовного дела судом, в том числе ввиду несоответствия квалификации инкриминируемого обвиняемому преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору (как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе) на основании части первой статьи 237 УПК Российской Федерации ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, т.е. является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, самостоятельность и независимость которой находятся под защитой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статей 10 и 120 (часть 1).

4.2. Применительно к стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств Конституционным Судом Российской Федерации была сформулирована

правовая позиция, согласно которой судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; если в силу недопустимости выхода суда за рамки обвинения, сформулированного в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, не отражены в итоговом судебном решении, то должны быть задействованы процессуальные механизмы, которые позволяли бы осуществлять расследование новых обстоятельств и их учет в соответствующем документе, направляемом в суд органами уголовного преследования; при установлении и использовании таких механизмов стороне защиты, соответственно, должны быть обеспечены адекватные возможности для собирания и представления дополнительных доказательств и для оспаривания обвинения (Постановление от 16 мая 2007 года № 6-П).

Тем более требуется задействование процессуальных механизмов, которые позволяли бы предотвратить вынесение несправедливого, незаконного и необоснованного приговора, на предшествующих стадиях, когда существенно значимым обстоятельствам события, которое будет служить предметом исследования по уголовному делу, в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении дается неправильная уголовно-правовая оценка, очевидная для суда, либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, что препятствует всестороннему и объективному разрешению уголовного дела и может отразиться на правильности окончательной квалификации судом совершенного обвиняемым деяния, а потому поставить под сомнение законность и обоснованность вынесенного по делу судебного решения.

Предусматривая процедуры исправления как процессуальных нарушений, допущенных судом, так и нарушений, касающихся неправильного применения им уголовного закона, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит, однако, положений, позволяющих разрешить вопрос о таких нарушениях, допущенных органами предварительного расследования, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Тем самым, по существу, сужается функция судебного контроля за действиями органов уголовного преследования, что препятствует реализации принципов равенства, справедливости, верховенства права, а также принципа законности, как они установлены Конституцией Российской Федерации, уголовным и уголовно-процессуальным законами, и не отвечает требованиям справедливого правосудия, самостоятельности и независимости судебной власти.

Более того, положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 252, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования, не позволяют устранить нарушения закона, допущенные органами уголовного преследования, если из содержания обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления с очевидностью следуют неправильность квалификации описанного в них деяния и необходимость предъявления более тяжкого обвинения, что не может быть осуществлено в судебном разбирательстве. Тем самым – в нарушение вытекающих из Конституции Российской Федерации, ее статей 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), гарантий охраны достоинства личности и

судебной защиты прав и свобод человека и гражданина – создаются препятствия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения.

4.3. Гарантируя в статьях 21, 46 (части 1 и 2) и 52 государственную охрану достоинства личности, право на защиту своих прав и свобод в суде и право на компенсацию ущерба, причиненного преступлением, Конституция Российской Федерации предполагает необходимость обеспечения восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов. С приведенными конституционными положениями согласуются положения Международного пакта о гражданских и политических правах, провозглашающего охрану достоинства личности как основы свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав человека (преамбула), и Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, предусматривающей, что лица, которым был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы («жертвы»), имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию причиненного им ущерба в соответствии с национальным законодательством; при этом судебные процедуры в наибольшей степени должны отвечать их потребностям (пункты 1, 4 и 6).

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия, а следовательно, государство обязано способствовать устранению нарушений прав потерпевшего от преступления; ограничение же доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности;

это тем более относится к жертвам преступлений, которым должна предоставляться государственная защита и обеспечиваться возможность собственными действиями добиваться, в том числе в рамках производства по уголовному делу, восстановления своих прав и законных интересов, которые не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда; непринятие своевременных мер к выявлению и устранению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, а также должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своей конституционной обязанности (постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 16 мая 1996 года № 12-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и др.).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации потерпевший, его законный представитель и (или) представитель выступают на стороне обвинения и участвуют в уголовном преследовании обвиняемого, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигают и поддерживают обвинение в порядке, установленном данным Кодексом (статья 22); для участия в уголовном преследовании по делам публичного и частно-публичного обвинения потерпевший наделен правами знать о предъявленном обвиняемому обвинении и знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства, выступать в судебных прениях, обжаловать решения суда (часть вторая статьи 42).

В силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом определять осуществление уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения и его пределы и самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. Реализация же им права довести до суда свою позицию по вопросам о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона зависит от обеспечения этого права органами публичного уголовного преследования – дознавателем, следователем и прокурором: ходатайство потерпевшего об изменении обвинения на более тяжкое рассматривается дознавателем, следователем (статьи 119–122 УПК Российской Федерации), отказ в его удовлетворении может быть обжалован руководителю следственного органа или прокурору (статьи 123 и 124 УПК Российской Федерации). Отказ в удовлетворении такого ходатайства потерпевший в соответствии со статьей 125 УПК Российской Федерации может обжаловать и в суд, который, однако, если уголовное дело не было прекращено, не вправе рассмотреть такую жалобу потерпевшего по существу, поскольку при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 года № 5-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 октября 2003 года № 385-О, от 23 июня 2009 года № 889-О-О, от 2 июля 2009 года № 1009-О-О, от 20 октября 2011 года № 1430-О-О, от 19 июня 2012 года № 1096-О и др.). Судья, рассматривая жалобу потерпевшего в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации, согласно пункту 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», не вправе делать выводы о квалификации деяния.

В рамках приведенного правового регулирования ограничение права суда в ходе судебного производства самостоятельно разрешать вопрос о выборе нормы уголовного закона, подлежащей применению, в случае несоответствия квалификации преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, когда имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении, равно как и удовлетворить ходатайство потерпевшего о возвращении уголовного дела прокурору для устранения таких нарушений влечет и ограничение права потерпевшего на защиту от преступных действий, возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, не позволяет принимать своевременные меры к выявлению и устранению нарушений этих прав, что в конечном счете приводит к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон, умалению чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но самим государством, фактически сводит на нет право потерпевшего довести до суда свою позицию о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания.

5. Таким образом, положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствуют Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 118 (части 1 и 2) и 120 (часть 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 данного Кодекса, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в

действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации, в том числе закрепляющими принципы правовой определенности, состязательности судопроизводства, полноты и эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, а также правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, внести в правовое регулирование изменения, направленные на устранение препятствий для вынесения судом основанного на правильном применении норм уголовного и уголовно-процессуального законов решения по уголовному делу в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 78, 79, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 10, 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 118 (части 1 и 2) и 120 (часть 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во

взаимосвязи с частью второй статьи 252 данного Кодекса, исключаящей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Республики Узбекистан Гадаева Баходира Тилявовича на основании положений части первой статьи 237 УПК Российской Федерации в той мере, в какой эти положения признаны настоящим Постановлением не соответствующими Конституции Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М.Казанцева

Гуманистические начала правового государства, призванного прежде всего защищать права и свободы человека (статья 2; статья 7, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации), определяют обязанность федерального законодателя осуществлять правовое регулирование таким образом, чтобы обеспечить условия для реализации своих прав как лицам, потерпевшим от преступлений, так и подсудимым.

Федеральный законодатель, осуществляющий на основе предписаний статей 2, 46–53, 71 (пункт «о») Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, располагая достаточно широкой дискрецией в выборе конкретных мер защиты прав всех участников процесса, должен обеспечивать баланс публичных и частных интересов и конституционно значимых ценностей.

При этом возможные ограничения прав и свобод в силу статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации допустимы, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, только в целях защиты конституционных ценностей на основе принципа юридического равенства и вытекающих из него критериев разумности, соразмерности (пропорциональности) и необходимости в правовом демократическом государстве и не должны искажать основное содержание конституционных прав и свобод и посягать на само их существо.

Установленные оспариваемыми заявителями положениями части первой статьи 237 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с частью второй статьи 252 того же Кодекса пределы судебного разбирательства

уголовных дел являются одной из важных гарантий личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Закрепленный в действующем законодательстве принцип недопустимости ухудшения положения подсудимого путем привлечения его к ответственности за те деяния, которые не были ему инкриминированы в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, сам по себе не нарушает принципов справедливости, состязательности и равноправия сторон. Этот принцип находит отражение в том числе в оспариваемой в данном деле части первой статьи 237 УПК Российской Федерации, которая, с учетом статьи 252 данного Кодекса, ограничивающей право суда в ходе судебного производства самостоятельно дополнять обвинение и расширять пределы судебного разбирательства, не позволяет суду ни по ходатайству потерпевшего, ни по собственной инициативе возвратить уголовное дело прокурору для устранения нарушений, связанных с квалификацией преступления, в случае несоответствия квалификации обстоятельствам, указанным в предъявленном обвинении, когда, по мнению судьи, имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении.

Оспариваемые заявителями положения призваны в определенной мере восполнить в пользу подсудимого то фактическое неравенство, которое существует между стороной обвинения в лице большого аппарата обвинительной и следственной власти и стороной защиты в лице подсудимого и его адвоката. При этом надо учесть и тот факт, что, по мнению некоторых известных ученых, на досудебных стадиях процесса отечественное законодательство сохраняет существенные элементы следственного (инквизиционного или розыскного) порядка судопроизводства, при котором уголовный преследователь сосредоточивает в своих руках не только обвинительную, но и значительную часть судебной власти (Смирнов А.В. Некоторые актуальные проблемы уголовного права и

процесса в свете положений российской Конституции и международного права // Российский юридический журнал. 2011. № 2).

Исправление допущенных органами, осуществляющими уголовное преследование, нарушений или ошибок, если этим ухудшается положение подсудимого и нарушается его право на защиту, не может рассматриваться в качестве той конституционно значимой цели, ради которой требуется наделять суд несвойственной ему функцией обвинения и ограничивать право подсудимого на защиту.

Уголовно-процессуальным законодательством предусмотрен целый комплекс правовых механизмов, обеспечивающих возможность исправления ошибок, допущенных на стадии досудебного производства, в том числе при формулировании окончательного обвинения.

Вопреки мнению заявителя действующее правовое регулирование не только не нарушает принципы состязательности и равноправия сторон, но, напротив, является их дополнительной гарантией и отвечает всем требованиям справедливого правосудия, самостоятельности и независимости судебной власти.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 ноября 1996 года № 19-П, статья 10 Конституции Российской Федерации относит к основам конституционного строя Российской Федерации разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, что предполагает самостоятельное выполнение каждой ветвью государственной власти своих специфических, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральным законом функций и полномочий. При этом в соответствии со статьей 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации исключительную компетенцию судебной власти составляет осуществление правосудия. Из названных конституционных норм следует, с одной стороны, что никакой иной орган не может принимать на себя функцию отправления правосудия, а

с другой – что на суд не может быть возложено выполнение каких бы то ни было функций, не согласующихся с его положением органа правосудия.

Возбуждение уголовного преследования и поддержание обвинения перед судом является задачей специальных органов – дознания, предварительного следствия и прокуратуры. Суд же обязан проверять результаты их деятельности, объективно и беспристрастно решая вопрос о законности и обоснованности выдвигаемых против лица обвинений, а также рассматривая жалобы на действия и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство на досудебных стадиях.

В том же Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что с объективностью и беспристрастностью суда, который в качестве органа правосудия выносит приговор по делу, не согласуется наделение его в этом же процессе полномочиями возбуждать уголовное дело и формулировать по нему обвинение. Это противоречит конституционным положениям о независимом судебном контроле за обеспечением прав граждан в уголовном судопроизводстве, закрепленным в статьях 18, 46 (часть 1) и 120 Конституции Российской Федерации, согласно которым права и свободы человека и гражданина обеспечиваются правосудием и каждому гарантируется их защита независимым судом. Из такого же понимания статуса суда исходит и Международный пакт о гражданских и политических правах, провозглашающий, что каждый, кому предъявлено уголовное обвинение, имеет право на справедливое разбирательство его дела компетентным, независимым и беспристрастным судом (пункт 1 статьи 14). Это, кроме всего прочего, означает, что справедливое правосудие предполагает возложение на суд лишь задачи принять решение по поводу уже предъявленного лицу уголовного обвинения, а не самостоятельно его формулировать.

Представляется, что правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанные по поводу правового регулирования возбуждения уголовного дела и формулирования по нему обвинения, могут

быть распространены в этой части и на оспариваемые в данном деле положения уголовно-процессуального законодательства, предусматривающие недопустимость изменения обвинения судом самостоятельно на более тяжкое в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции.

Судья, расширяя обвинение в отношении конкретного лица и формулируя требования к органам обвинительной власти представить суду доказательства виновности обвиняемого, оказывается связанным такими своими решениями. Это затрудняет для судьи объективное исследование и правовую оценку в судебном заседании обстоятельств дела, тем более что вынесение оправдательного приговора или иного решения в пользу подсудимого может восприниматься как свидетельство ошибочности его прежних выводов по данному делу.

В результате под угрозу ставится внутренняя независимая позиция судьи по делу, а следовательно, оказывается нарушенным гарантируемое статьей 120 Конституции Российской Федерации право человека на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом. Кроме того, наносится серьезный ущерб доверию, которое должны внушать органы правосудия в демократическом обществе, появляются основания подозревать суд в так называемом обвинительном уклоне.

Таким образом, действующее правовое регулирование, в части, не допускающей изменение обвинения судом самостоятельно на более тяжкое в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, или направление дела прокурору, или изменение обвинения, если этим ухудшается положение подсудимого, направлено на защиту не только прав подсудимого, но и на дополнительную гарантию независимости и беспристрастности правосудия, освобождение его от несвойственной ему функции обвинения.

Оспариваемые законоположения не ограничивают права потерпевшего на обжалование действий органов следствия, обвинения и суда по вопросам обвинения, применения уголовного закона и назначения наказания виновному лицу. Как следует из правовых позиций Конституционного Суда

Российской Федерации, обязанность государства обеспечивать восстановление прав потерпевшего от преступления не предполагает наделение его правом определять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности, – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов (Постановление от 24 апреля 2003 года № 7-П). Впрочем, это не лишает потерпевшего возможности собственными действиями добиваться восстановления своих прав и законных интересов (постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 27 июня 2005 года № 7-П). В соответствии с пунктом 1 части второй статьи 42 УПК Российской Федерации потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Это предполагает обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку (Определение от 11 июля 2006 года № 300-О).

Кроме того, права потерпевшего, закрепленные в статье 52 Конституции Российской Федерации, и его право на судебную защиту, закрепленное в статье 46 Конституции Российской Федерации, гарантируются не только нормами уголовного и уголовно-процессуального права, но и нормами других отраслей законодательства, в первую очередь – нормами гражданского и гражданского процессуального права. У лиц, пострадавших в результате преступления, во всяком случае сохраняется право на возмещение ущерба, причиненного осужденным (оправданным) в гражданском судопроизводстве.

Таким образом, отсутствие у потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения права требовать направления дела прокурору

или изменения квалификации деяния обвиняемого непосредственно в судебном заседании само по себе не может расцениваться как лишение его права на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию причиненного ему ущерба.

Ни международное право, ни конституции большинства демократических государств не предусматривают в качестве обязательного требования закрепление в законодательстве полномочия суда изменять обвинение в сторону, ухудшающую положение подсудимого, когда суд приходит к выводу, что фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. Уголовно-процессуальное законодательство некоторых государств практически не предусматривает возможность какого-либо изменения обвинения по существу в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции (Австрия, Бельгия, Люксембург, США, Таджикистан, Франция). В ряде иных государств законодательство допускает, в принципе, возможность изменения обвинения в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, но не предусматривает явным образом или даже прямо исключает при этом его изменение на более тяжкое (Финляндия, Швеция).

Большинство государств, допускающих возможность изменения обвинения на более тяжкое в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции, в принципе не предусматривают для этого институт возвращения судом дела на стадию предварительного расследования (Армения – с 2007 года, Белоруссия, Бразилия – с 2008 года, Венгрия, Германия, Канада, Корея, Литва, Лихтенштейн, Молдова, Португалия, Словения, Соединенное Королевство, Хорватия, Швейцария, а также Римский статут Международного Уголовного Суда). В ряде стран, где допускается возможность возвращения судом дела на стадию предварительного расследования по тем или иным основаниям, это запрещается для случаев изменения обвинения на более тяжкое (Болгария, Польша, Украина).

Возвращение дела на стадию предварительного расследования как со стадии основного разбирательства в суде первой инстанции предусмотрено только в Казахстане, Словакии и Туркменистане.

Международная судебная практика, в том числе немногочисленные решения конституционных судов по этому вопросу также не подтверждают того мнения, что положения отечественного уголовно-процессуального законодательства, лишаящие суд возможности либо изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, либо возвращения уголовного дела на досудебную стадию для дополнения обвинения, несовместимы с международными стандартами прав человека.

Исходя из изложенного и руководствуясь частью первой статьи 76 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», полагаю, что положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации соответствуют Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 данного Кодекса, исключаящей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют возвращению уголовного дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования они направлены на защиту признаваемых Конституцией Российской Федерации и международно-правовыми нормами прав осужденного и не лишают потерпевшего права на доступ к правосудию и права на эффективную судебную защиту в установленных законом процессуальных формах и, следовательно, не умаляют его достоинство, а также не умаляют принцип независимости судебной власти.

Признанием указанных законоположений не противоречащими Конституции Российской Федерации не исключается право законодателя

принять дополнительные нормативные решения, с тем чтобы наиболее эффективно гарантировать конституционные права всех участников уголовного судопроизводства, затронутые в результате нарушения закона, допущенного органами уголовного преследования.